

ОНОРЭ ДЕ БАЛЬЗАК

В ы б о р ы

ОГРЫВКИ ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО РОМАНА

Перевод с французского К. Г. ЛОКСА

Роман Бальзака «Депутат от Арси» («Le Dérivé d'Arcis») остался неоконченным. Бальзак написал только первую часть его, печатавшуюся в газете «Юнион монаршик» с 7 апреля по 3 мая 1847 года под названием «Выборы» («L'Élection») — буквально «избрание». После смерти Бальзака некий Шарль Ребу, малоизвестный французский журналист, дописал «Депутата», доведя объем романа до четырех томов. Это рискованное и явно неудавшееся сотрудничество с Бальзаком было предпринято с согласия вдовы писателя. Впоследствии Ребу добавил к «Депутату» еще два многотомных романа — «Граф Салленов» и «Семейство Бовизаж» — уже целиком собственного сочинения.

«Выборы» были опубликованы в газете с примечанием о том, что описанные события в действительности имели место не в городе Арси. Бальзак, говорится в этом примечании, изменил место действия «из предосторожности», которую должен соблюдать писатель, посвящающий себя «истории современных нравов».

«Выборы» никогда не переводились на русский язык. Между тем первая часть «Депутата от Арси» может быть без всяких преувеличений отнесена к великопнейшим в мировой литературе сатирам на буржуазный парламентаризм.

Уже в первые годы царствования Луи-Филиппа Бальзак отмечает в толпе политических предателей и темных дельцов, заполонивших Францию после «трех славных дней», — характернейшую фигуру Июльской монархии: буржуазного либерала. В частности, этот персонаж постоянно занимает внимание Бальзака-журналиста. Достаточно вспомнить ряд его сатирических фельетонов, помещенных в «Карикатур» в 1831—1832 гг., и некоторые статьи

тех же годов. В фельетоне «Коммивояжер свободы» Бальзак дает политический портрет буржуазного дельца, торгующего «редким товаром» — свободой. Краткая биография «геркулесоподобного любовника свободы» составлена по форме бухгалтерского отчета. Все события его жизни разнесены по двум графам: «прибыли» и «убытки». В графе «убытков» значится, между прочим, драматический момент, когда «коммивояжер свободы» вышел на улицу в июле 1830 года, чтобы посмотреть, «так же ли удачно берут Лувр, как некогда брали Бастилию». Он поплатился за это своим носом, в который угодила пистолетная пуля. Зато был вознагражден «приветливыми словами королевы», которые и занесены в графу «прибыли»¹.

«Лучший из республиканцев», фабрикант вязаных изделий Бонишон — герой буржуазной национальной гвардии. Господин Бонишон очень дорожит мундиром национальной гвардии, потому что он обошелся ему в 75 франков 50 сантимов. Выходя из дому, он захватывает с собой ружье, кусочек сахара, а также белый платок — очевидно, на случай капитуляции («Лучший из республиканцев»)².

В фельетоне «О равнодушии в политических делах» владелец модной лавки в Париже, желающий идти в ногу с веком, придумывает для нового сорта кашемира завлекательное название «цвета народного пота»³.

В 1831 году Бальзак писал о «партии адвокатов, желающих быть Робеспьерами»⁴.

Каковы бы ни были чувства самого Бальзака, легитимиста, когда он вспоминал о Ба-

¹ Oeuvres diverses, т. II, стр. 309—310.

² Там же, стр. 392—394.

³ Там же, стр. 338.

⁴ Там же, стр. 361.

стили и Робеспьер, — удары его могучего сатирического молота крушат не Бастилию, и не Робеспьера. Мы узнаем в его «коммивояжерах свободы» тех, кто вспоминал о Бастилии, идя на приступ французской национальной казны; тех, кто с «робеспьеровским» пафосом отстаивал интересы буржуазии в парламенте Луи-Филиппа.

В 1839 году — время действия романа — парламентская буржуазия в борьбе с самодержавными замыслами короля банкиров и с верным ему «дворцовым кабинетом» Моле — обрядилась в свои самые пышные оппозиционные одежды. «Коалиция» — Гизо, Тьер, Одилон Барро — проводила выборы этого года под лозунгом «замены личного управления парламентским режимом». «Если только выборы не являются фикцией, — писал Дювержье де Горан, — то необходимо предоставить законно опрошенной нации преимущественный голос». Под этими словами подписывался Одилон Барро, о котором Маркс говорит: «И Барро, это воплощение буржуазного либерализма, восемнадцать лет подряд скрывавший свою внутреннюю подлость и пустоту под внешним важничанием, не избег ни одной ступени ренегатства»¹. Гизо предупреждал префектов, что коалиция расправится со всеми, кто окажет сопротивление ее выборным планам. Таким образом, методы коалиции ничем не отличались от полицейских методов правительства, которые описаны Бальзаком в «Депутате от Арси».

Городок Арси, — рассказывает Бальзак, — «находился тогда в необычном положении: он считал себя свободным в выборе депутата». Это положение было тем более необычно для жителей Арси, что со времен Наполеона они привыкли избирать в парламент представителя фамилии Гондревилей. Не было в Арси яиновника, адвоката, нотариуса, которого не облагодетельствовал бы граф Гондревиль, «бывший клерк из Арси, бывший представитель народа, бывший термидорианец, бывший государственный советник, бывший граф Империи и сенатор, бывший пэр Людовика XVIII, снова ставший пэром в июльские дни...» («Темное дело»). Виднейшие граждане города, их отцы и дядья с давних пор служили верой и правдой Гондревиллю. Некоторые выступали в качестве свидетелей обвинения в процессе братьев Симёз, которым было приписано похищение графа Гондревилля, в действительности совершенные провокаторами из полиции Жозефа Фуше.

«Темное дело» является как бы предисторией «Депутата от Арси» и объясняет нам, почему граф Гондревиль стал «повелителем

департамента Арси-сюр-Об». Вот против кого решились выступить в 1839 году буржуа Арси, отвергнувшие кандидатуру родственника графа — Шарля Келлера, чтобы таким образом продемонстрировать свою независимость.

Собрание «независимых избирателей» города Арси, этот лакейский бунт нахлебников графа Гондревилля — гениальная сатира на буржуазный парламент. Театральному постановщику этого эпизода пришлось бы развернуть на сцене настоящее балаганное представление. Иначе нельзя передать ужимки неправдоподобно румяного господина Бовизажа, «отца города», которому лгать мешают только тупость и косноязычие; полную шутовского пафоса речь кандидата в депутаты, Симона Жиге, мечтающего под «знаменем прогресса» и «принципов 1789 года» завоевать богатую невесту, и, наконец, мрачную разоблачительную тираду нотариуса Ахилла Пигу, непреклонного блюстителя парламентской процедуры, который ради спасения кандидатуры Шарля Келлера требует тайного голосования... при выборе счетчиков. Раздается и «голос нации»: чье-то звучное бляение на местах для публики.

Симон Жиге побеждает на собрании «независимых избирателей». Торжество его кажется тем более несомненным, что вскоре приходит известие о смерти его соперника Шарля Келлера. И вдруг в Арси происходит загадочное событие. В блестящей карете с графским гербом прибывает таинственный незнакомец. Арсисцы взволнованы. Разыгрывается великолепный фарс: подкуп горничных и лакеев, расспросы дам, волнские Сесиль, заранее влюбленной в незнакомца. Незнакомец отказывается дать о себе какие бы то ни было сведения хозяйке гостиницы, зато он обедает в замке Гондревилей и Сен-Синей. Этого достаточно. Наконец, таинственный граф сообщает префекту, что он прибыл в Арси с правительственным поручением, и предъявляет официальное письмо, в котором властям Арси приказано выполнять все распоряжения незнакомца, связанные с выборами депутата от Арси. Граф желает остаться неизвестным и предлагает префекту представить его жителям Арси как ученого, исследующего местные владения на предмет «ирригации». Однако граф не раскрывает префекту своей настоящей тайны, хотя и расспрашивает его о состоянии Бовизажей и о мадмуазель Сесиль Бовизаж. Настоящая тайна состоит в том, что Максим де Трай (о чем читатели узнают из заключительного эпизода) — авантюрист, «кондотьер салонов», прибывает в Арси в качестве секретного агента правительства на выборах. Судя по всему, план Максима де Трай состоит в том, чтобы самому стать депутатом от Арси и завладеть приданным Сесиль Бовизаж.

¹ К. Маркс. «Классовая борьба во Франции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 38.

«Во Франции в процессе выборов образуются политико-химические соединения, ниспровергающие законы сродства», — пишет Бальзак в «Депутате от Арси». Подлинная формула этой политической химии дана в словах Маркса, который определил монархию Луи-Филиппа как строй «золота, крови, грязи».

★

Буржуазное общество проволокло через весь XIX век по крови и грязи то наследие, которое когда-то было живым делом буржуазных революционеров. Слова «принципы 1789 года», «прогресс» и т. п. звучат в устах Симона Жиге примерно так же, как они звучат в устах флюберовского аптекаря Омэ. Но образ Симона острее и глубже. Бальзак изображает эпоху, когда фарс вплотную примыкал к еще свежей трагедии, которую он нагло пародировал. Ведь рядом с адвокатом Жиге, подражавшим Дантону и, на худой конец, Одилону Барро, еще здравствовал граф Гондревиль, который прославился среди термидорианцев тем, что стащил за полу Робеспьера с трибуны Конвента накануне термидорианского переворота.

Когда Симон Жиге, лстя своим согражданам — Пигу, Марионам и прочим, клянется, что «старый дух 1789 года... все еще жив на родине Дантонов, Малэнов, Гревенов, Пигу, Марионов...», нам вспоминается рассказ Энгельса об «опустившемся» Париже 1846 года, где «Дантон продает дрова на Boulevard Bourdon, а Барбару¹ имеет мануфактурную лавочку на Rue St.-Honoré...»²

Еще великолепнее Жиге, когда он от великих теней прошлого обращается к будущему и произносит свою речь о прогрессе.

«Прогресс, — пишет Бальзак, — одно из тех слов, за которым в ту пору пытались объединить гораздо больше лицемерия и честолюбия, чем идей... Провозгласив себя человеком прогресса, вы тем самым объявляли себя сторонником железных дорог, макинтошей, исправительных тюрем, деревянных мостовых, освобождения негров, сберегательных касс, башмаков без шва, газового освещения, асфальтированных тротуаров, всеобщего избирательного права...»

Судьбой буржуазной демократии стало: клясться освобождением угнетенных народов, всеобщим избирательным правом и т. д. — когда речь идет с банковских касс, оскверняя все подлинно великое, топить героическое в малом, трагическое в нелепом.

¹ Жирондист.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 28.

Достоевский рассказывает об одном французском буржуа, которого в Гарibaldi больше всего восхищало то, что он, Гарibaldi, имея в своих руках 20 миллионов франков, не воспользовался «казенными деньгами».

«Про Гарibaldi, — пишет Достоевский, — конечно, можно рассказывать все, что угодно. Но сопоставить имя Гарibaldi с хаптурками из казенного мешка, это, разумеется, мог сделать один француз».

У прогрессиста Жиге были беспощадные разоблачители. Те, кто, например, в том же 1839 году, подняли в Париже пролетарские, коммунистические восстание. В их руках было в то время знамя прогресса, когда-то простреленное термидорианцами и вновь взвившееся на баррикадах 48 и 71 годов. Оно перешло в руки советских пролетариев, создавших подлинную социалистическую демократию и взявших себе, как законное наследие, все то ценное, что было в формах буржуазного демократизма.

Но у Симона Жиге были и особого рода критики, которые, впрочем, живы и ныне. К числу их принадлежал, например, флюберовский Филипп Моро, современник арсиэского трибуна. Филипп Моро прекрасно знал цену буржуазному прогрессу, как, впрочем, знал ее и Растиньяк, с которым у Филиппа есть, как известно, общие черты. Моро не верил словам о свободе и равенстве, на которые так щедрны были парижские гостиницы еще накануне 48 года. Но он не верил и баррикадам 1848 года. И в дни восстания Филипп Моро легким, почти воровским шагом спешил на любовное свидание мимо парижских баррикад.

Конечно, не только Симону Жиге и аптекарю Омэ, но даже буржуазным студентам, в июньские дни отказавшимся перевязывать раненых рабочих, и самому Кавеньяку далеко до нынешних французских «демократов», которые, с ледяным банкетным холодом отпраздновав 150-летие революции, бросили в тюрьмы коммунистов и пролетариев Франции...

Когда создавалась французская конституция 1875 года, из которой вышла нынешняя Третья республика, внук Луи-Филиппа, граф Парижский, сказал: «Не будучи в состоянии создать монархию, надо создать строй, который больше всего к ней приближается». Такое напутствие дала французская реакция Третьей республике.

Современные французские реакционеры, уничтожая демократические свободы, которые в последующие десятилетия вырвал у буржуазии рабочий класс, хотят повернуть Третью республику назад, к идеалам графа Парижского. Разоблачая эту балаганную демократию, ее шутов и зазывал из клики Леона Блюма, мы находим себе союзников не только в настоящем, но и в прошлом, в великой француз-

ской литературе. «Депутат от Арси» — лишнее тому доказательство.

★

Ниже печатаются два центральных эпизода «Выборов». Второй из них представляет

собой окончание всей первой части, то есть той части, которая единственно принадлежит Бальзаку и была им опубликована под сохранным нами названием.

Б. Песис

Хотя 1839 год в политическом отношении весьма далек от 1847 года, тем не менее и сегодня стоит вспомнить выборы, породившие коалицию — эту тщетную попытку Палаты осуществить угрозу парламентского правительства: угрозу в духе Кромвеля, но которая без такого деятеля, как Кромвель, и при государе, не терпящем мошенничества, не могла окончиться ничем иным, как торжеством нынешней системы, когда и обе Палаты и министры — всего лишь деревянные болванчики, разыгрывающие представление по воле хозяина театра Гиньоле к неизменному удовольствию зевак.

Округ Арси-сюр-Об находился тогда в необычном положении — он считал себя свободным в выборе депутата. С 1816 по 1836 год здесь неизменно выбирали одного из наиболее внушительных ораторов левой, одного из тех семнадцати, которых либеральная партия называла *великими гражданами*, словом знаменитого Франсуа Келлера, члена банкирского дома «Братья Келлер», зятя графа де Гондревиль. Гондревиль, одно из великолепнейших угодий Франции, расположено в четверти лье от Арси. Банкир, незадолго до того получивший звание графа и пэра Франции, повидимому, рассчитывал передать по наследству свой депутатский мандат сыну, достигшему в ту пору тридцати лет, дабы открыть ему дорогу к пэрству.

Шарль Келлер, принадлежавший к партии сторонников короля-буржуа, был уже командиром эскадрона генерального штаба, когда получил титул виконта. Самая блистательная судьба, казалось, была уготована молодому человеку, владевшему огромным богатством, исполненному отваги, отличенному за свою преданность новой династии, внуку графа де Гондревиль и племяннику госпожи Карильяно, супруги маршала; однако избрание в Палату, столь необходимое для его будущего, встречало немалые препятствия.

Со времени прихода к власти буржуазного класса город Арси испытывал смутное желание показать свою

независимость. Так, уже последние выборы Франсуа Келлера были омрачены выходками кучки республиканцев, чьи красные картузы и развевающиеся бороды, впрочем, не слишком устрашили жителей Арси. Играя на настроениях округа, радикальный кандидат сумел собрать голосов тридцать-сорок. Некоторые арсисцы, обиженные тем, что их город числился в ряду «гнилых местечек»¹ Оппозиции, присоединились к демократам, хотя и были врагами демократии. Во Франции в процессе выборов образуются политико-химические соединения, ниспровергающие законы сродства.

Избрать в парламент в 1839 году молодого офицера Келлера, после того как в течение двадцати лет избирался его отец, значило проявить подлинное избирательное рабство, против чего восставала гордость нескольких разбогатевших буржуа, которые полагали, что они ничуть не хуже и господина Малена графа де Гондревиль, и банкиров братьев Келлер, и родовитых Сен-Синей, и даже самого короля Франции! Поэтому многочисленные приверженцы старого Гондревилья, повелителя департамента Об, ожидали нового доказательства его столь испытанной ловкости. Чтобы не уронить престижа своей семьи в округе Арси, этот опытный государственный муж, вероятно, выдвинет кандидатуру кого-нибудь из местных жителей, с тем чтобы тот уступил свое место Шарлю Келлеру, приняв на себя государственную должность, — парламентский случай, предусматривавший перевыборы народного избранника.

Когда Симон Жиге стал нащупывать почву у бывшего нотариуса Гревена, верного друга графа де Гондревиль, старик отвечал, что, не зная намерений графа, он наметил своим кандидатом Шарля Келлера и употребит все свое влияние, чтобы это избрание состоялось. Как только этот ответ почтенного Гревена распространился по городу, против бывшего нотариуса поднялось всеобщее возмущение. Невзирая на то, что он занимал эту должность в тече-

ние тридцати лет, что этот Аристид Шампани пользовался неизменным доверием города, что он был мэром Арси с 1804 по 1814 год, а также во время Ста дней; невзирая на то, что Оппозиция считала его своим главой вплоть до победы в 1830 году, когда он отказался от чести быть мэром, сославшись на свой преклонный возраст, и его сограждане, желая засвидетельствовать ему свои чувства, выбрали мэром его зятя, господина Бовизаж, — невзирая на все это, против него восстали, а некоторые молодые люди даже позволили себе назвать его старым болтуном. Приверженцы Симона Жиге возложили свои надежды на мэра Филеаса Бовизаж и без труда привлекли его на свою сторону, ибо, хотя мэр и не был в плохих отношениях со своим тестем, все же всячески старался показать свою независимость, доходившую даже до холодности, в чем хитрый тесть ему не препятствовал, видя в этом прекрасное средство воздействия на город Арси.

Господин мэр, с которым беседовали накануне на городской площади, заявил, что скорее будет голосовать за любого кандидата, внесенного в список от Арси, чем отдаст свой голос Шарлю Келлеру, к которому он, впрочем, питает безграничное уважение.

— Арси не будет больше гнилым местечком! — сказал он, — или я переселюсь в Париж.

Угождайте злобе дня, и вы станете героем повсюду, даже в Арси-сюр-Об.

— Господин мэр, — говорили в городе, — как всегда, показал себя человеком непреклонной воли.

Ничто не развивается так быстро, как узаконенный мятеж. В тот же вечер госпожа Марион и ее друзья условились собрать на завтра «независимых избирателей», дабы поддержать кандидатуру Симона Жиге, сына полковника. Это завтра только что началось, и в доме все было вверх дном — готовились к приему друзей, на независимость которых рассчитывали.

Симон Жиге, словно предназначенный самой природой быть кандидатом маленького городка, ревниво жаждавшего избрать одного из своих сынов, тотчас воспользовался этим движением умов, чтобы стать представителем нужд и потребностей вшивой Шампани. Однако своим богатством и положением семейство Жиге было обязано графу де Гондревиль. Но на выборах — какие могут быть чувства?

Эта «Сцена» написана в назидание тем достойным сожаления странам, которым неведомы благодеяния национального представительства и которые, вследствие того, не знают, ценой каких междоусобиц, каких жертв, требующих геройства Брута, маленький городок рождает депутата! Явление величественное и естественное, с которым можно сравнить только роды: те же усилия, та же грязь, те же муки, то же торжество.

Может показаться странным, что Симон Жиге, единственный сын и обладатель приличного состояния, оказался скромным адвокатом в маленьком городке Арси, где адвокаты не нужны.

Здесь следует сказать два слова о кандидате. Полковник Жиге с 1806 по 1813 год имел от своей жены — она умерла в 1814 году — троих детей; старший, Симон, пережил обоих младших, умерших один в 1818, другой в 1825 году. До их смерти Симона по необходимости воспитывали как молодого человека, которому будет нужна доходная профессия. Однако, когда он остался единственным сыном, судьба нанесла ему жестокий удар. Госпожа Марион сильно рассчитывала, что ее племяннику достанется наследство деду, гамбургского банкира; но тот умер в 1826 году, оставив своему внуку Симону всего-навсего две тысячи франков ренты. Банкир, известный своей плодовитостью, вознаграждал себя за радости отцовства; поэтому он осчастливил потомство одиннадцати остальных детей, бывших при нем и убедивших его, впрочем, имея на то основания, что Симон Жиге и так будет богат.

Полковник настаивал, чтобы сын его избрал свободную профессию. И вот почему. При Реставрации семейство Жиге не могло рассчитывать на благосклонность правительства. Если бы даже Симон не был сыном ярого бонапартиста, то все же он принадлежал к семье, члены которой вполне заслуженно навлекли на себя ненависть Сен-Синей² своим участием в знаменитом процессе братьев Симёз, осужденных в 1805 году за похищение сенатора графа де Гондревиль, в чем они были совершенно неповинны; жандармский полковник Жиге, дядя Симона, и Марионы, включая и госпожу Марион, были свидетелями обвинения. «Представитель народа», Гондревиль,

ограбил семью Симёз, и в те времена, когда продажа национального имущества была святой святых политики, виновность наследников ни в ком не вызвала сомнения (см. «Темное дело»).

Нотариус Гревен был не только одним из главных свидетелей, но и одним из самых ревностных участников этого дела. Процесс Симёзов и по сие время разделял округ Арси на две партии: одна из них стояла за невиновность осужденных и, следовательно, за Сен-Синей, другая — за графа де Гондревиль и его приверженцев.

Если при Реставрации графиня де Сен-Синь благодаря возвращению Бурбонов пользовалась известным влиянием в департаменте Об, то граф де Гондревиль сумел противопоставить владычеству Сен-Синей тайное воздействие, которое он оказывал на местных либералов благодаря помощи нотариуса Гревена, полковника Жиге и своего зятя Келлера, неизменно, вопреки стараниям Сен-Синей, проходившего в парламент от Арси-сюр-Об, и, наконец, благодаря положению, которое он сохранял в королевских советах, пока был жив Людовик XVIII³. Только после смерти короля графине де Сен-Синь удалось добиться назначения Франсуа Мишо⁴ председателем суда первой инстанции в Арси. Она желала этого назначения потому, что Франсуа был сыном человека, павшего жертвой своей преданности семье Симёз и погибшего на эшафоте в Труа; его портрет во весь рост украшал гостиную графини и в Париже и в замке Сен-Синей. До 1823 года граф де Гондревиль был достаточно влиятелен, чтобы препятствовать назначению Мишо.

Именно по совету графа де Гондревиль полковник Жиге сделал из своего сына адвоката. В округе Арси Симон должен был особенно блистать, как единственный адвокат; в таких маленьких местечках стряпчие сами берут на себя защиту. Симон одержал несколько побед в окружном суде департамента Об, но тем не менее служил мишенью для насмешек Фредерика Маре, королевского прокурора, Оливье Вине, его заместителя, председателя Франсуа Мишо — трех самых острых умов местного суда, призванных сыграть весьма значительную роль в избирательной драме, первое действие которой еще только начиналось.

Симон Жиге, как, впрочем, большинство людей, платил немалую дань все-

могущей власти комизма. Он благоговейно слушал самого себя, разглагольствовал по всякому поводу, торжественно нанизывал многословные, мертвые фразы, что в среде высшей буржуазии Арси почиталось за красноречие. Бедняга принадлежал к той разновидности скучных людей, которые готовы объяснять все, даже самые простые вещи. Он объяснял дождь, он объяснял причины Июльской революции. Он объяснял также и все непоптимое: он объяснял Луи-Филиппа, он объяснял господина Одилона Барро, он объяснял господина Тьера, он объяснял восточные дела⁵, он объяснял Шампань, он объяснял 1789 год, он объяснял таможенные пошлины и гуманитарные учения, магнетизм и сокращение гражданского листа.

Этот худощавый молодой человек, с желчным цветом лица, достаточно высокого роста, чтобы в нем сразу можно было признать пустозвона — ибо люди высокого роста редко отличаются большой одаренностью, — утратил пуританизм представителей крайней левой, и без того чопорных, подобно скромницам, за которыми водятся грешки. Одет он был всегда в черное, и только вокруг шеи свободно болтался белый галстук. А так как он все еще носил высокие накрахмаленные воротнички, к счастью теперь запрещенные модой, то его лицо точно было всунуто в фунтик из белой бумаги. Его панталоны и фраки неизменно казались слишком просторными. Он обладал тем, что в провинции именуется достоинством, то есть он держался очень прямо и наводил на всех скуку. Антонен Гуляр, его друг, обвинял его в том, что он подражает господину Дюпену⁶. В самом деле, адвокат слишком часто щеголял в туфлях и плотных чулках из черного шелка. Симон Жиге, надеясь на всеобщее уважение, которым пользовался его старый отец, и на влияние своей тетки, в чьем доме вот уже двадцать четыре года собирались наиболее почтенные жители городка, располагая уже сейчас, сверх адвокатского гонорара, рентой в десять тысяч франков, к которой в будущем прибавится тетушкино состояние, — не сомневался в своем избрании.

Тем не менее первый звон колокольчика, возвестивший прибытие наиболее влиятельных избирателей, тревожно отозвался в душе честолюбца и зародил в нем смутные опасения.

Симон не обманывал себя ни относительно ловкости, ни относительно огромного влияния старика Гревена, и знал также, что министерство пустит в ход весь свой авторитет для того, чтобы поддержать кандидатуру молодого и храброго офицера, находившегося в ту пору в Африке при особе принца, к тому же — сына одного из бывших великих граждан Франции и племянника супруги маршала.

— Кажется, — сказал он отцу, — у меня начинаются колики в желудке. Я чувствую какое-то жжение подложечкой и тошноту, и это внушает мне тревогу...

— Даже старым солдатам, — ответил полковник, — доводилось испытывать то же самое в первые минуты сражения, когда, бывало, загромят пушки.

— Что же будет со мной в Палате?.. — сказал адвокат.

— Граф де Гондревиль рассказывал, — ответил старый полковник, — что со многими ораторами приключаются те маленькие неприятности, которые для нас, старых вояк, знаменовали начало сражения. И все это ради праздной болтовни. Но ведь ты хочешь быть депутатом, — сказал старик, пожимая плечами, — ну и будь им!

— Отец, моя победа на выборах — это Сесиль Бовизаж! Сесиль — это огромное состояние! Нынче огромное состояние — это власть.

— Как изменились времена! При императоре нужна была храбрость!

— Каждая эпоха может быть выражена в одном слове, — ответил Симон, повторяя изречение графа де Гондревиль, довольно точно рисующее этого старца. — Во времена империи, когда хотели уничтожить человека, говорили: «Он трус!» Нынче говорят: «Он мошенник!»

— Бедная Франция, до чего тебя довели, — воскликнул полковник. — Пойду займусь моими розами.

— Ах, останьтесь, отец! Вы — краеугольный камень всего здания!

Мэр, господин Филеас Бовизаж, явился первым в сопровождении преемника старого Гревена, Ахилла Пигу, самого известного нотариуса в городе, чей дед занимал должность мирового судьи в Арси во время Революции, во время Империи и в первые дни Реставрации.

Ахилл Пигу, которому было тридцать два года, прослужил восемнадцать лет писцом у старика Гревена,

без всякой надежды самому стать нотариусом. Его отец, сын арсизского мирового судьи, умер якобы от апоплексии, оставив свои дела в весьма запутанном состоянии.

Граф де Гондревиль, с которым мировой судья Пигу был связан по 1793 году, внес требуемый залог, благодаря чему нотариальная контора Гревена была приобретена внуком мирового судьи, того самого, который произвёл первое дознание в процессе Симёзов. Ахилл обосновался на Церковной площади, в доме, принадлежавшем графу де Гондревиль, причем пэр Франции сдавал его так дешево, что было ясно, как важно для этого хитрого политика всегда держать в руках первого нотариуса Арси.

Молодой Пигу, маленький сухой человечек, чьи глаза, казалось, просверливали зеленые стекла очков, отнюдь не умерявших насмешливости его взгляда, осведомленный о всех местных делах и обязанный своей практике нотариуса известным красноречием, слыл зубоскалом только потому, что проявлял большее остроумие, чем это было свойственно жителям Арси. Ахилл Пигу был еще холостяком и дожидался выгодного брака в надежде на благоволение своих двух покровителей, Гревена и графа де Гондревиль. Поэтому адвокат Жиге не мог скрыть своего изумления, увидев Ахилла рядом с Филеасом Бовизаж. Нотариус, на лице которого было такое количество оспенных рябин, что оно казалось затянутым белой сеткой, представлял полную противоположность дородной особе господина мэра, чья физиономия напоминала совершенно круглую луну, при этом луну веселую.

Лилии и розы, расцветавшие на щеках Филеаса, еще сильнее оттенялись приветливой улыбкой, происходившей не столько от благодушия, сколько от необыкновенной пухлости губ. Филеас Бовизаж был до такой степени доволен собой, что улыбался всему на свете при всех обстоятельствах. Его пухлые губы улыбались бы и на похоронах. Удивительная живость, сиявшая в его детских голубых глазах, вполне гармонировала с этой неизменной и нестерпимой улыбкой. Это самодовольство тем легче могло сойти за благосклонность и приветливость, что Филеас создал свой собственный язык, замечательный неумеренным употреблением вежливых оборотов. Он всегда

«имел честь...»; осведомляясь о здоровье отсутствующих лиц, он неизменно прибавлял эпитеты: дорогой, милейший, любезнейший. Он щедро расточал то соболезнующие, то лестные слова по поводу малейших горестей или радостей человеческой жизни. Таким образом, он скрывал под этим потоком общих мест свое ничтожество, полное отсутствие образования и крайнюю бесхарактерность, которую можно определить только несколько устаревшим словом: флюгер.

Но не тревожьтесь! Осью этого флюгера была госпожа Бовизаж, прекрасная, прославленная на весь округ Северина Гревен. Северина, узнав о том, что она называла предвыборной авантюрой господина Бовизаж, в день собрания сказала ему: — Вы поступили довольно похвально, выказав независимость, но к Жиге вы пойдете только в сопровождении Ахилла Пигу, которому я велела зайти за вами. — Приставить к Бовизажу в качестве ментора Ахилла Пигу, не означало ли это ввести на собрание к Жиге согладатая из партии Гондревилья? Поэтому нетрудно представить себе гримасу, искажившую пуританскую физиономию Симона, вынужденного оказать любезный прием постоянному гостю тетюшки де Марион, влиятельному избирателю, в ком он тотчас же почувствовал врага.

«Ах, — сказал он себе, — я поступил весьма опрометчиво, отказав ему в залоге на приобретение нотариальной конторы. Старик Гондревиль умнее меня...»

— Здравствуйте, Ахилл, — сказал он, приняв развязный вид, — вы пришли испортить мне все дело?..

— Я полагаю, что ваше собрание не является заговором против свободы наших выборов, — ответил нотариус улыбаясь. — Мы ведь играем в открытую?

— В открытую! — повторил Бовизаж, и он засмеялся тем ничего не выражающим смехом, каким некоторые люди кончают все свои фразы и который является своего рода ритуальной разговора. Затем господин мэр принял положение, которое можно бы назвать его «третьей позицией», то есть выпрямился, выпятил грудь, заложил руки за спину. Он был в черном фраке и таких же панталонах, и в великолепном белом жилете, полурасстегнутом, так что можно было видеть две бриллиантовые запонки стои-

мостью в несколько тысяч франков. — Мы будем драться и тем не менее останемся добрыми друзьями, — снова начал Филеас. — Именно в этом суть конституционных нравов (хе! хе! хе!). Вот как я понимаю союз монархии и свободы... (ха! ха! ха!)

Здесь господин мэр взял Симона за руку и сказал:

— Как поживаете, мой дорогой друг? Ваша добрейшая тетюшка и наш достойный полковник сегодня, вероятно, чувствуют себя так же хорошо, как и вчера... По крайней мере я так предполагаю!.. (хе! хе! хе!) — прибавил он с видом полного блаженства, — быть может, они немного обеспокоены предстоящей церемонией... Да, да, молодой человек, значит начинаем политическую карьеру (ха! ха! ха!). Вы сделали первый шаг... возврата нет... Это важное решение, и я предпочитаю, чтобы вы, а не я, бросились в ураганы и бури Палаты (хи! хи! хи!), как ни приятно олицетворять своей особой одну (хи! хи! хи!) четыреста пятьдесят третью часть высшей власти во Франции (хи! хи! хи!).

Голос Филеаса имел приятную звучность и вполне гармонировал с округлыми очертаниями его лица, напоминавшего светложелтую тыкву, с его жирной спиной, с широкой и выпуклой грудью. Этот голос, по своей мощи приближавшийся к басу, имел баритональную бархатистость, а в смехе, которым Филеас заканчивал свои фразы, приобретал почти серебристую звонкость. Если бы сам господь, дабы пополнить свой земной рай новыми видами, пожелал поместить туда провинциального буржуа, то даже он не создал бы тип более прекрасный, более совершенный, чем Филеас Бовизаж.

— Я восхищаюсь самопожертвованием тех, кто способен ринуться в бури политической жизни... (хе! хе! хе!) Для этого нужны более крепкие нервы, чем мои. Кто бы сказал в 1812, в 1813 году, что мы достигнем этого... Что касается меня, то... чему же не поверишь в наш век, когда асфальт, каучук, железные дороги и пар изменяют почву, сюртуки и расстояния (хе! хе! хе!).

Последние слова были обильно сдобрены смехом, — взятым нами в скобки, — подчеркивавшим пошлые шутки Филеаса, которыми упивались буржуа. Мало того, он сопровождал свои шутки особым жестом: весело потирал руки, вложив правый кулак в горсть ле-

вой руки. Этот прием сопутствовал смеху в тех многочисленных случаях, когда, по его мнению, ему удавалось сказать что-нибудь остроумное. Быть может, излишне добавлять, что Филеас слыл в Арси человеком любезным и весьма приятным.

— Я постараюсь, — ответил Симон Жиге, — достойно представлять...

— Баранов Шампани, — живо подхватил Ахилл Пигу, прерывая своего друга.

Кандидат проглотил насмешку, не ответив на нее, так как ему пришлось поспешить навстречу двум новым избирателям.

Один из них был хозяин «Мула», лучшего трактира в Арси, находившегося на Большой площади, на углу Бриенской улицы. Этот почтенный трактирщик, по фамилии Пупар, был женат на сестре знаменитого Готара, преданного слуги графини де Сен-Синь, одного из действующих лиц процесса Симёзов. В свое время Готар был оправдан. Пупар, правда, принадлежал к числу обитателей Арси, наиболее преданных семье Сен-Синь, но лакей полковника Жиге в течение двух дней так ловко и усердно обрабатывал трактирщика, что тот решил пустить в ход все свое влияние в пользу кандидатуры Симона, уверенный, что этим он подставляет ножку врагу Сен-Синей, и уже успел потолковать в этом смысле с аптекарем Фромаже. Последний же, не будучи поставщиком замка Гондревиль, с радостью воспользовался случаем, чтобы затеять интригу против семьи Келлера.

Эти представители мелкой буржуазии, благодаря своим многочисленным связям могли воздействовать на известное количество колеблющихся избирателей, ибо они являлись советчиками очень многих арсисцев, коим политические убеждения кандидатов были безразличны. Поэтому адвокат завладел Пупаром, предоставив аптекаря Фромаже своему отцу, который явился приветствовать уже пришедших избирателей.

Младший инженер округа, делопроизводитель мэрии, четыре судебных пристава, трое стряпчих, секретарь окружного суда и секретарь мирового суда, регистратор и налоговый инспектор, два врача-соперника из Варле, шурин Гревена, мельник, два помощника Филеаса, издатель-типограф и еще с десяток буржуа города Арси один

за другим вошли в сад и прогуливались в ожидании, пока придет достаточно народу, чтобы можно было открыть собрание. Наконец, к полудню, около пятидесяти человек, все разодетые, — причем большинство пришло из желания посмотреть богатые гостинные, о которых столько говорили по всей округе, — расселись на стульях, приготовленных госпожой Марион. Окна оставили открытыми, и вскоре воцарилось столь глубокое молчание, что слышно было шуршание шелковой юбки госпожи Марион, которая не устояла перед соблазном спуститься в сад и уселась в уголке, откуда можно было слышать, что происходит в гостинной. Кухарка, горничная и лакей, собравшиеся в столовой, волновались не меньше своих хозяев.

— Господа, — начал Симон Жиге, — некоторые из вас пожелали оказать честь моему отцу, предложив ему председательствование на этом собрании, но полковник Жиге поручил мне передать его извинения и выразить при этом его благодарность, ибо в вашем пожелании он видит награду за свои заслуги перед отечеством. Мы в доме моего отца, он считает своим долгом отказаться от обязанности председателя и предлагает вместо себя всеми уважаемого коммерсанта, которому вы доверили высшую должность в городском самоуправлении — господина Филеаса Бовизаж.

— Bravo! Bravo!

— Я думаю, мы все единодушны в том, что необходимо на нашем собрании — в высшей степени дружеском... но совершенно свободном, которое ни в какой степени не предвосхищает предвыборного собрания, где вы будете предлагать вопросы кандидатам и взвешивать их заслуги... необходимо, говорю я, воспроизвести конституционные... формы Палаты представителей.

— Да! да! — закричали все в один голос.

— Итак, — снова начал Симон, — согласно воле собрания, я имею честь просить господина мэра занять председательское кресло. — Филеас встал, пересек гостинную, чувствуя, что покраснел, как вишня. Потом он уселся за стол и увидел не сотню глаз, а сто тысяч свечей. Ему показалось, что солнце загло гостинную заревом пожара, и он ошутил, по его собственному выражению, соляные копи в своем горле.

— Благодарите, — шепнул ему Симон.

— Господа... — Воцарилось столь напряженное молчание, что Филеас почувствовал резь в животе.

— Что нужно сказать, Симон? — спросил он потихоньку.

— Ну, что же вы? — сказал Ахилл Пигу.

— Господа, — сказал адвокат, сраженный дерзким возгласом нотариуса, — честь, которую вы оказали господину мэру, быть может, застала его врасплох, но едва ли удивила.

— Вот именно, — сказал Бовизаж, — я слишком чувствителен к вниманию моих сограждан, чтобы не быть крайне польщенным.

— Bravo! — крикнул один только нотариус.

«Провалиться мне, — подумал Бовизаж, — если меня еще раз заставят выступать с речью...»

— Угодно ли господам Фромаже и Марсело взять на себя обязанности счетчиков? — спросил Симон Жиге.

— Было бы правильней, — сказал Ахилл Пигу вставая, — если бы собрание само наметило двух членов президиума, раз уж мы решили подражать Палате.

— В самом деле, так будет лучше, — сказал тучный господин Милло, судебный исполнитель окружного суда, — иначе все это собрание — просто комедия, а его участники не свободны. Тогда уж лучше вообще все делать так, как хочется господину Симону.

Симон прошептал что-то Бовизажу, после чего тот встал и разрешился возгласом: «Господа», который вполне мог привлечь «напряженный интерес всего зала».

— Простите, господин председатель, — сказал Ахилл Пигу, — но вам надлежит председательствовать, а не дискутировать...

— Господа, если мы хотим действовать... сообразуясь... с парламентскими правилами, — сказал Бовизаж, повторяя то, что ему подсказывал Симон, — то я бы просил... высокочтимого господина Пигу подойти к этому столу и говорить отсюда.

Пигу ринувшись к столику, стал возле него и, опираясь кончиками пальцев на его край, заговорил смело и без стеснения, почти как знаменитый господин Тьер.

— Господа, не я внес предложение брать пример с Палаты; ибо до сегодняшнего дня Палаты действительно ка-

зались мне беспримерными; тем не менее, я вполне согласен, что собрание из шестидесяти с лишним видных жителей Шампани должно обзавестись председателем, ведь стадо не бывает без пастуха. Если бы мы прибегли к тайному голосованию, то я убежден, что имя нашего уважаемого мэра было бы названо единогласно; противодействие, которое он оказывает кандидатуре, поддерживаемой его семьей, убеждает нас, что он обладает величайшим гражданским мужеством, ибо он сумел освободиться от крепчайших уз, уз семьи! Поставить отечество выше семьи, это требует величайших усилий, на которые способен только тот, кто скажет себе, что Брут с высоты своего судилища смотрит на нас в течение двух с половиной тысяч лет, если не больше. Нашему уважаемому господину Жиге кажется естественным, поскольку он сумел предугадать наши желания относительно выбора председателя, руководить нами и в выборе счетчиков; но вы поддержали мое возражение, вы решили, что одного раза достаточно, и вы совершенно правы. В противном случае могло бы показаться, что наш общий друг, Симон Жиге, выступает здесь не в роли кандидата, а как указчик, что ослабило бы благоприятное впечатление, произведенное на нас скромностью его высокочтимого отца. А как же поступает наш достойный председатель, соглашаясь председательствовать по тому принципу, который предложил ему кандидат? Он посягает на нашу свободу! Я спрашиваю вас, правильно ли действует избранный нами председатель, предлагая нам выбрать вставанием двух счетчиков. Вель это значит, господа, заранее предопределить наше решение. Будем ли мы свободны в своем выборе? Можно ли не встать, если встал ваш сосед? Если бы предложили меня, все, вероятно, встали бы из вежливости; и так как за каждого из нас вставали бы все, то не получилось бы никаких выборов, ибо все неизбежно голосовали бы за всех.

— Он прав! — сказали все шестидесят слушателей.

— Следовательно, пусть каждый из нас напишет два имени на листке бумаги, и тогда те, кто воссядут по обе стороны господина председателя, с полным правом могут считать себя украшением общества. Они будут правомочны, совместно с господином председателем, устанавливать боль-

шинство, когда мы будем голосовать вставанием наши предложения. Я полагаю, что мы пришли сюда, чтобы обещать кандидату нашу посильную поддержку на предвыборном собрании, куда придут избиратели со всего округа. Я позволю себе утверждать, что это шаг чрезвычайной важности. Разве дело не касается одной четырехсотой власти, как только что выразился господин мэр со свойственным ему остроумием, которое мы все так высоко в нем ценим.

Полковник Жиге принялся нарезать полоски из листа бумаги, а Симон послал за пером и чернильницей. Собрание было прервано. Этот предварительный спор по формальному вопросу вызвал глубокое беспокойство Симона и заставил насторожиться всех шестидесят собравшихся буржуа. Затем приступили к заполнению бюллетеней, и хитрому Пигу удалось провести господина Молло, судебного пристава, и господина Годиве, регистратора. Это избрание, естественно, вызвало неудовольствие аптекаря Фромаже и стряпчего Марсело.

— Вы, — сказал им Ахилл Пигу, — помогли засвидетельствовать нашу независимость; вы должны испытывать большую гордость оттого, что вас отвергли, чем если бы вы были избраны. — Все рассмеялись.

Молчание водворилось как только Симон Жиге попросил слова у председателя, и тот, уже весь покрытый потом, собрав все свое мужество, произнес: — Слово предоставляется господину Симону Жиге.

— Господа, — сказал адвокат, — разрешите мне поблагодарить господина Ахилла Пигу, который, хотя наше собрание вполне дружеское...

— Это предвыборное собрание перед большим предвыборным собранием, — сказал стряпчий Марсело.

— Именно это я и хотел сказать, — продолжал Симон. — Я, прежде всего, благодарю господина Ахилла Пигу за строгое соблюдение парламентских форм. Впервые избирательный округ Арси свободно...

— Свободно? — переспросил Пигу, прерывая оратора.

— Свободно! — вскричало собрание.

— Свободно, — подхватил Симон. — воспользуется своими правами в великой битве всеобщих парламентских выборов; а так как через несколько дней состоится собрание, на которое явятся все избиратели, дабы оценить по

достоинству кандидатов, то мы должны почитать себя счастливыми, что нам дана возможность здесь, в тесном кругу, привыкнуть к порядку таких собраний. Благодаря этому мы сможем лучше решить политическую судьбу города Арси, ибо теперь речь идет о том, чтобы противопоставить одной семье — город, одному человеку — область...

После этого Симон изложил историю выборов в Арси за двадцать лет. Одобрив неизменное переизбрание Франсуа Келлера, он сказал, что настало время свергнуть иго дома Гондревиль. Арси больше не должен быть ни вотчиной либералов, ни вотчиной Сен-Синей. В настоящее время во Франции возникают передовые направления, которых Келлеры не представляют. Шарль Келлер, с тех пор как стал виконтом, принадлежит к Двору, он ни в какой мере не будет независимым; ибо, выставляя его кандидатуру, гораздо больше думают о нем как о наследнике пэра Франции, чем как о наследнике депутата, и т. д., и т. д. Наконец, Симон предоставил свое избрание на суд своих сограждан, обязуясь восседать в Палате рядом со знаменитым господином Одилоном Барро и никогда не покидать славного знамени Прогресса.

Прогресс — одно из тех слов, которыми в ту пору пытались объединить гораздо больше лицемерия и честолюбия, чем идей, ибо после 1830 года оно могло выражать только притязания нескольких изголодавшихся демократов; в Арси это слово еще производило сильное впечатление и придавало вес тому, кто писал его на своем знамени. Провозгласить себя человеком прогресса, это означало быть философом во всем и пуританином в политике. Тем самым вы объявляли себя сторонником железных дорог, макинтошей, исправительных тюрем, деревянных мостовых, освобождения негров, сберегательных касс, башмаков без шва, газового освещения, асфальтированных тротуаров, всеобщего избирательного права, сокращения гражданского листа. Наконец, это означало быть против договоров 1815 года, против старшей ветви Бурбонов, против Северного Колосса, коварного Альбиона, против всех, хороших или плохих, мероприятий правительства. Как можно заметить, слово прогресс могло в равной степени означать и да, и нет!.. Это было подновленное слово «либерализм» — новый лозунг для новых честолюбцев.

— Если я правильно понял, то мы пришли сюда затем, — сказал Жан Виоллет, чулочный фабрикант, купивший два года тому назад дело Бовизажа, — чтобы пообещать всеми доступными нам средствами помочь избранию в Палату господина Симона Жиге на место графа Франсуа Келлера. Если мы все согласны объединиться для этой цели, то нам достаточно сказать да или нет.

— Это было бы слишком поспешно! Политические дела так не делаются, иначе это уже не политика! — вскричал Пигу. — Предыдущий оратор предрашает то, что, по моему слабому разумению, должно стать предметом прений. Прошу слова.

— Слово предоставляется господину Ахиллу Пигу, — сказал Бовизаж, которому, наконец, удалось произнести эту фразу со всем своим муниципальным и конституционным достоинством.

— Господа, — начал нотариус, — если есть в Арси дом, где не должны бы восставать против влияния графа де Гондревиль и Келлеров, то разве не этот именно дом?.. Достойный полковник Жиге здесь единственный, кто может считать себя ничем не обязанным влиянию сенатора, ибо, разумеется, он ни о чем не просил графа де Гондревиль, и тот сам вычеркнул его из списка осужденных на изгнание в 1815 году и выхлопотал ему пенсию, которой он пользуется и поныне, — и все это без каких-либо шагов со стороны высокопочтимого полковника, красоты и гордости нашего города...

Эти слова были встречены лестным шопотом по адресу старца.

— Но, — продолжал оратор, — вся семья Марион осыпана благодеяниями графа. Без его покровительства покойный полковник Жиге никогда не командовал бы жандармерией департамента Об. Покойный господин Марион никогда не был бы председателем суда без поддержки графа, перед которым я лично всегда буду чувствовать себя в долгу... Поэтому вас не удивит, что я здесь, перед этим собранием, выступаю в его защиту! И во всем нашем округе мало найдется людей, которые не пользовались бы благодеяниями этой семьи... (Глухой ропот.)

— Перед нашим собранием предстает кандидат в депутаты, и я, — с жаром продолжал Ахилл, — вправе рассмотреть его жизнь, прежде чем облечь его моим доверием. Я не хочу, чтобы

моим избранником был человек неблагодарный, ибо неблагодарность подобна несчастью — один неблагодарный поступок влечет за собой другой. Мы послужим, говорите вы, трамплином для Келлеров? Так вот то, что я слышал здесь, заставляет меня опасаться, как бы нам не стать трамплином для Жиге. Мы живем в положительный век, не правда ли? Так вот, рассмотрим, каковы будут для округа Арси последствия избрания Симона Жиге. Вам говорят о независимости? Симон, которого я отвергаю в качестве кандидата, — мой друг, он друг всех, кто здесь слушает меня, и лично я весьма рад был бы видеть его оратором левой, восседающим между Гарнье-Паже и Лафиттом⁷; но что от этого выиграет наш округ?.. Округ потеряет поддержку графа де Гондревиль и Келлеров. А мы в ближайшие пять лет все будем нуждаться и в нем, и в них. Когда нужно освободить от воинской повинности парня, вытщавшего несчастливый номер, идут к госпоже де Карильяно, супруге маршала. Нередко прибегают к авторитету Келлеров, и многие дела решаются по их указанию. Старый граф де Гондревиль никогда не отказывал нам в своей помощи; достаточно быть уроженцем Арси, чтобы войти к нему, не дожидаясь часами в прихожей. Эти три семьи знают всех жителей Арси... Где казна дома Жиге и каково будет его влияние в министерстве?.. Каким кредитом будет он пользоваться на парижской бирже? Если мы захотим вместо нашего дрянного деревянного моста построить каменный, сумеет ли Жиге добиться от нашего департамента и от правительства необходимых средств?.. Избрав Шарля Келлера, мы продолжим тот дружественный союз, который до сих пор приносил нам только выгоды. Избрав достойнейшего Симона Жиге, моего дорогого друга и школьного товарища, мы будем терпеть убытки вплоть до того дня, когда он станет министром! Зная его скромность, я полагаю, что он не будет спорить, если я позволю себе усомниться в его назначении на этот пост!.. (Смех.) Я пришел на это собрание, чтобы воспротивиться шагу, который я считаю пагубным для нашего округа. Шарль Келлер, скажут мне, принадлежит к Двору! Тем лучше! Нам не придется нести расходы по его политическому воспитанию: он знает государственные дела, знает парламентские обычаи, он лучше подготов-

лен к роли государственного деятеля, чем мой друг Симон, который не притязает на то, чтобы стать Питтом или Талейраном в нашем глухом городишке Арси...

— Дантон был из Арси! — вскричал полковник Жиге, которого привела в ярость эта убедительная импровизация.

— Bravo!.. — Этот возглас послужил знаком к овации; все шестьдесят избирателей захопатали.

— Мой отец очень умен, — шепнул Симон Жиге Бовизажу.

— Мне непонятно, — сказал, порывисто вставая, старый полковник, весь красный от гнева, — для какой надобности, по случаю выборов, копаются в наших отношениях с графом де Гондревиль. Свое состояние мой сын получил от матери, он ничего не просил у графа де Гондревиль. И без графа Симон был бы тем, что он есть: сыном полковника артиллерии, награжденного чинами за боевые заслуги, адвокатом, который никогда не изменял своим убеждениям. Я могу сказать графу де Гондревиль в лицо: «Мы избирали вашего зятя в течение двадцати лет, ныне мы хотим показать, что, выбирая его, мы действовали по доброй воле, и вот мы обращаемся к уроженцу Арси, дабы все видели, что старый дух 1789 года, которому вы обязаны своим богатством, все еще жив на родине Дантонов, Молэнов, Гревенов, Пигу, Марионов... Вот как!

И старик сел. В зале поднялся невообразимый гам. Ахилл открыл рот, намереваясь возразить. Бовизаж, который не чувствовал бы себя председателем, если бы не звонил в колокольчик, еще усиливал шум, требуя тишины. Было уже два часа.

— Я беру на себя смелость указать уважаемому полковнику Жиге, чьи чувства легко понять, что он самовольно взял слово, а это противно парламентским правилам, — сказал Ахилл Пигу.

— Я не считал нужным призвать к порядку полковника, — сказал Бовизаж. — Он — отец... (Тишина восстановилась.)

— Мы не за тем пришли сюда, — вскричал Фромаже, — чтобы подпевать во всем господам Жиге, отцу и сыну...

— Нет! нет! — вскричало собрание.

— Дело плохо! — сказала кухарке госпожа Марион.

— Господа, — снова заговорил

Ахилл, — я ограничусь тем, что категорически потребую от моего друга Симона Жиге ответить на вопрос: что он намерен предпринять в наших интересах?..

— Да, да.

— С каких это пор, — ответил Симон Жиге, — честные граждане, а таковы наши арсисцы, превращают в торговую сделку священную миссию депутата?

Невозможно представить, какое действие производят возвышенные чувства на людские собрания. Люди рукоплещут великим идеям и тем не менее голосуют за то, что унижает их страну, подобно каторжнику, который желает, чтобы кара постигла Роберта Макэра, пока пьеса разыгрывается на подмостках, и тем не менее идет и убивает господина Жермейль или кого-нибудь еще⁸.

— Bravo, — вскричали несколько избирателей, — чистокровный Жиге!

— Вы пошлете меня в Палату, если вы меня туда пошлете, чтобы я представлял там принципы, принципы 1789 года, чтобы я, пусть только ничтожный винтик в Оппозиции, голосовал вместе с нею, просвещал правительство, вел войну с злоупотреблениями и требовал прогресса во всем...

— Что вы называете прогрессом? Для нас прогресс — это процветание нашей вшивой Шампани, — сказал Фромаже.

— Прогресс! Я скажу вам, что я понимаю под прогрессом, — вскричал Жиге, взбешенный тем, что его прервали.

— Это границы Франции на Рейне, — сказал полковник, — и уничтожение договоров 1815 года!

— Это продажа зерна по дорогой цене и покупка хлеба по дешевой, — насмешливо крикнул Ахилл Пигу, который, полагая, что сказал остроумную шутку, выразил одну из нелепых идей, царящих во Франции.

— Это всеобщее благо, достигнутое победой гуманитарных учений.

— А что я вам говорил? — сказал хитрый нотариус своим соседям.

— Ш-ш! Тише! Внимание! — сказали несколько слушателей, которых разбирало любопытство.

— Господа, — сказал толстый Молло улыбаясь, — прения разгораются, слушайте оратора, дайте ему говорить.

— Во все переходные эпохи, господа, — торжественно продолжал Симон

Жиге, — а мы живем именно в одну из таких эпох...

— Бээээ... бээээ... — заблеял один из друзей Ахилла Пигу, обладавший (незаменимым в деле выборов) даром чревоуещания. Все присутствующие, истые жители Шампани, покатались со смеху. Симон Жиге скрестил руки и ждал, пока пройдет этот ураган смеха.

— Если мне хотели преподать урок, — начал он, — и упрекнуть меня в том, что я иду вместе со стадом славных защитников прав человечества, которые посылают призыв за призывом, пишут книгу за книгой, вместе с бессмертным священником⁹, ратующим за погибшую Польшу, вместе с мужественным памфлетистом, надзирающим за дивильным листом, с философами, требующими честности от наших учреждений, — то я благодарю неизвестного, прервавшего меня. Для меня прогресс — это осуществление всего, что было нам обещано Июльской революцией, это избирательная реформа, это...

— Так вы демократ! — сказал Ахилл Пигу.

— Нет, — возразил кандидат. — Разве желать постепенного, законного развития наших учреждений значит быть демократом? Для меня прогресс — это восстановление братства всех членов великой французской семьи, и мы не должны скрывать от самих себя, что многие наши страдания...

В три часа Симон Жиге еще объяснял прогресс, и кое-где среди присутствующих слышалось мерное храпение, свидетельствовавшее о глубоком и крепком сне. Злокозненный Ахилл Пигу сумел убедить всех избирателей благоговейно внимать оратору, увязавшему в бесконечных фразах и парафразах...

Приблизительно за два месяца до победы Симона Жиге на предвыборном собрании, в одиннадцать часов вечера, в одном из особняков предместья Сен-Оноре, за чаем у маркизы д'Эпар, кавалер д'Эпар, ее деверь, поставив чашку на стол и взглянув в сторону гостей, расположившихся у камина, сказал:

— Вы не находите, что Максим был очень грустен сегодня?

— Да, — ответил Растиньяк, — но его грусть легко объяснима — ему срок восемь лет; в этом возрасте не

заводят новых друзей; со смертью де Марсэ Максим потерял единственного человека, способного понять его, оказывать ему услуги и пользоваться его услугами...

— Наверно, у него есть неотложные долги, не можете ли вы помочь ему уплатить их? — сказала маркиза Растиньяку.

В ту пору Растиньяк был во второй раз министром, он только что получил графский титул почти против своего желания, его тесть, барон де Нюсинжен, был назначен пером Франции; его брат был епископом, его зять, граф де ля Рош-Гюгон, посланником, и считалось, что в будущих правительственных комбинациях без него не смогут обойтись.

— Вы всегда забываете, дорогая маркиза, — ответил Растиньяк, что наше правительство обменивает свои серебряники только на золото; оно ничего не понимает в людях.

— Способен ли Максим пустить себе пулю в лоб? — спросил дю Тилле.

— Ага! Тебе бы очень этого хотелось, мы были бы квиты, — ответил банкиру граф Максим де Трай, к изумлению присутствующих, которые были уверены, что граф уже покинул гостиную.

И граф вырос, как привидение, поднявшись с глубокого кресла, которое стояло позади кавалера д'Эпар. Все рассмеялись.

— Хотите чаю? — обратилась к нему молодая графиня де Растиньяк, которую маркиза просила заменить ее за чайным столом.

— С удовольствием, — ответил граф, подходя к камину.

Этот человек, король всех парижских прожигателей жизни, до сей поры сумел сохранить то привилегированное положение, которое занимали дэнди, именовавшиеся тогда «желтыми перчатками», а потом «львами». Нет надобности рассказывать историю его юности, полную любовных похождения и отмеченную трагическими случаями, в которых он всегда умел сохранять внешнюю благопристойность. Для этого человека женщины всегда были только средством, он так же мало верил в их горести, как и в их радости; он считал их, как и покойный де Марсэ, капризными детьми. Промотав свое состояние, он пустил по ветру и состояние знаменитой кокетки, прозванной «прекрасной голландкой», матери прославленной Эсфи-

ри Гобсек. Потом он стал причиной несчастий госпожи де Ресто, сестры госпожи Дельфины де Нюсинжен, матери молодой графини де Растиньяк.

Парижский свет исполнен невообразимых странностей. Баронесса де Нюсинжен находилась в этот вечер в гостиной госпожи д'Эпар вместе с виновником всех горестей ее сестры, вместе с убийцей, но который убил только счастье женщины. Вот почему, конечно, он и мог находиться здесь. Госпожа де Нюсинжен обедала у маркизы со своей дочерью, год тому назад вышедшей за графа де Растиньяк, который начал свою политическую карьеру с должности помощника министра в знаменитом министерстве покойного де Марсэ, единственного великого деятеля, порожденного Июльской революцией.

Никто, кроме самого Максима де Трай, не знал, сколько бедствий он причинил; но ему всегда удавалось избежать осуждения общества, следуя законам мужской чести. Хотя он промотал в своей жизни больше денег, чем за это же время награбили обитатели четырех каторжных тюрем Франции, правосудие относилось к нему с почтением. Ни разу не нарушил он правил чести. Карточные долги он платил с неизменной пунктуальностью. Изумительный игрок, он составлял партию самым родовитым аристократам, посланникам. Он бывал на обедах у всех членов дипломатического корпуса. Он неоднократно дрался на дуэли; за свою жизнь он отправил на тот свет двух-трех противников, он, можно сказать, попросту убил их, так как отличался бесподобной ловкостью и хладнокровием. Никто из молодых людей не мог сравниться с ним в умении одеваться, в тонкости манер, в изяществе речи, в непринужденности, в том, что когда-то считалось высшим аристократизмом. Приученный, в качестве пажа императора, с двенадцатилетнего возраста к упражнениям в верховой езде, он слыл одним из самых искусных наездников. Он всегда держал в своей конюшне пять лошадей, которые шли на скачках, он всегда был законодателем мод. И, наконец, он был самым неутомимым за ужином в компании молодых людей — он пил больше, чем самые выносливые из них, и уходил свежий, готовый хоть сейчас начать сызнова, точно кутеж был его родной стихией. Максим, принадлежа к тем презираемым людям, которые

умеют подавлять вызываемое **ИМЕ** презрение своей наглостью, страхом, ими внушаемым, никогда не заблуждался относительно своей репутации. В этом была его сила. Люди сильные всегда первые критики самих себя.

При Реставрации он довольно удачно извлекал выгоду из своего звания пажа императора; он приписывал своим якобы бонапартистским взглядам то противодействие, которое встречал в различных министерствах, когда он предлагал свои услуги Бурбонам; ибо, несмотря на большие связи, на родовитость и опасные таланты, Максим де Трай не достиг ничего, и тогда он принял участие в заговоре, который привел к падению старшей ветви Бурбонов. Максим принадлежал к сообществу, затеянному ради забавы, ради развлечения (см. «Тринадцать») и которое совершенно естественно обратилось к политике за пять лет до Июльской революции. Когда младшая ветвь, вслед за народом Парижа, двинулась на старшую ветвь и завладела тронном, Максим снова пустил в ход свою приверженность к Наполеону, о котором помышлял столько же, сколько о своей первой любовной шалости. Тогда он оказал важные услуги, признававшиеся, впрочем, с крайней неохотой, так как он слишком упорно требовал вознаграждения от людей, знавших счет деньгам. При первом же отказе Максим объявил состояние войны, угрожая разгласить некоторые мало приятные подробности, ибо у начинающих династий, как у младенцев, замаранные пеленки.

Когда де Марсэ получил пост министра, он исправил ошибку тех, кто не сумел оценить этого человека; он стал давать ему тайные поручения, для которых нужна совесть, выкованная молотом нужды, ловкость, готовая на все, бесстыдство и, в особенности, хладнокровие, дерзость, верный глаз, присущие бандитам мысли и высокой политики. Подобные орудия столь же редки, сколь необходимы. Де Марсэ для своих целей ввел Максима в самое высшее общество; он изобразил его как человека, созревшего в страстях, умудренного опытом, знающего жизнь и людей, которому путешествия и известная наблюдательность помогли изучить европейские дела, политику иностранных кабинетов и связи всех влиятельных семей в Европе. Де Марсэ убедил Максима в необходимости создать для себя собственный кодекс

честь; он показал ему, что известный такт есть не столько добродетель, сколько расчет; что правители никогда не откажутся от орудия прочного и надежного, изящного и блестящего.

— В политике шантаж действует только один раз! — сказал он Максиму, порицая его за то, что тот прибег к угрозе.

Максим был человеком, способным оценить глубину этих слов.

Когда де Марсэ умер, граф Максим де Трай вернулся к прежней жизни. Каждый год он ездил играть на воды, зимой возвращался в Париж; но если он и получал значительные суммы из весьма ревниво охраняемых кошельков, то эта полуподачка, уплачиваемая бесстрашному человеку, который мог пригодиться в любую минуту и, кроме того, обладал секретами тайной дипломатии, была недостаточна для пышной и расточительной жизни, какую вел король всех дэнди, тиран нескольких парижских клубов. Поэтому денежные вопросы часто причиняли графу Максиму сильнейшее беспокойство. Не владея собственностью, он не мог укрепить свое положение карьерой депутата; не занимая определенной должности, он не мог приставить нож к горлу какому-нибудь министру, чтобы вырвать у него звание пэра Франции. А он уже чувствовал на себе неумолимую работу времени, ибо излишества истощили его самого в такой же степени, как и разнообразные источники его доходов. Несмотря на внешний блеск, он знал себя и не обманывался на свой счет, он подумывал, что пора всему этому положить конец — жениться.

Как человек умный он, не заблуждался относительно уважения, которым его окружали; он отлично знал, что это было лицемерным. Значит, он не найдет себе жены ни в высшем парижском обществе, ни в буржуазной среде; требовалось необычайное коварство, притворное добродушие и умение быть полезным, чтобы его терпели, ибо все желали его падения, и малейшая неудача могла его погубить. Случись ему очутиться в тюрьме Клиши или в изгнании из-за каких-нибудь просроченных векселей, и он упал бы в пропасть, где столько политических трупов, ничем не могущих утешить друг друга. В настоящее время он опасался, как бы на него не обрушился край того грозно нависшего свода, который долги образуют над

головой многих парижан. Он позволил заботам отразиться на его лице, он отказался играть у госпожи д'Эпар; разговаривая с дамами, он выказал рассеянность, и в конце концов, безмолвный и погруженный в свои думы, остался сидеть в кресле, откуда и возник, подобно тени Банко. Максим де Трай, стоя спиной к камину, между двумя канделябрами, бросавшими на него яркий свет, чувствовал, что взоры всех прямо или украдкой обращены на него. То, что он услышал о себе, обязывало его принять горделивую позу, но он был достаточно умен, чтобы держаться без вызова и вместе с тем показать себя выше подозрений.

Живописец не мог бы более удачно выбрать минуту, пожелай он запечатлеть облик этого без сомнения незаурядного человека. Разве не исключительные качества нужны для того, чтобы играть подобную роль, для того чтобы в продолжение тридцати лет неизменно покорять женщин, чтобы решиться применять свои таланты только за кулисами, то подстрекая народ к возмущению, то перехватывая секреты коварной политики, одерживая победы только в будуарах или в кабинетах. Разве нет своего величия в том, чтобы, поднявшись до самых тонких хитросплетений политики, спокойно снова погрузиться в пустоту рассеянной жизни? Какой железной волей должен обладать тот, кого не могут сломить ни переменчивое счастье игрока, ни резкие повороты в политике, ни жестокие требозания моды и света, ни расточительство, к которому вынуждают необходимые для карьеры любовные связи; тот, кто превратил свою память в коллекцию уловок и обманов; кто скрывает столько замыслов, столько различных происков под непроницаемым изяществом манер! Если бы ветер фортуны подул в эти всегда поставленные паруса, если бы счастливый случай подействовал Максиму, он стал бы Мазарини, маршалом Ришелье, Потемкиным или, вернее, быть может, Лозеном, но без тюрьмы Пиньероль¹⁰.

У графа, хотя он был довольно высокого роста и сухощав, уже намечалось брюшко, но он не позволял ему, по выражению Брийа-Саварэна¹¹, переступать границы благородной величавости. Впрочем, фраки Максима де Трай были так превосходно сшиты, что его фигура сохраняла юношеский облик, какую-то легкость и гибкость,

которыми он, вероятно, был обязан постоянным физическим упражнениям, фехтованию, верховой езде и охоте. В наружности Максима было то бесконечное изощрение и обаяние, которые свойственны аристократу, что еще подчеркивалось великолепной осанкой. Его продолговатое лицо, чертами напоминавшее фамильный тип Бурбонов, было обрамлено бородой, отпускаемой только под подбородком, и бакенбардами, тщательно завитыми, подстриженными по моде и черными, как смоль. Этот цвет, равно как и цвет пышной шевелюры, поддерживался при помощи весьма дорогого индийского косметического средства, распространенного в Персии; Максим сохранял это в строгой тайне. Таким образом ему удавалось скрыть седину, уже давно убелившую его голову. Особенность этого средства, которым персы красят бороду, в том, что оно не придает чертам лица жесткости; прибавляя или убавляя индиго, можно менять оттенок краски в соответствии с цветом кожи. У Максима был очень красивый лоб, голубые глаза, греческий нос, приятный рот и хорошо очерченный подбородок; но глаза были окружены сетью тоненьких линий, словно наведенных лезвием бритвы, настолько не приметных, что на расстоянии их не было видно. Такие же морщинки были на висках. Довольно густая сеть их покрывала и лицо. Глаза, как у всех игроков, проводящих ночи за карточным столом, были как бы покрыты глазурью; и от этого взгляд, хотя и потускневший, был еще страшнее, он внушал ужас. В этом непроницаемом взгляде чувствовался скрытый огонь, лава потухших страстей. Рот, некогда столь свежий и румяный, теперь также потерял свою яркость; линия губ уже не была прямой, правый угол рта опустился. Это искривление как бы свидетельствовало о лживости. Порок изогнул губы, но зубы попрежнему были ровны и белы.

Эти следы времени исчезали в общем впечатлении от его лица и фигуры. Весь облик был попрежнему столь привлекателен, что ни один из молодых людей не мог соперничать с Максимом на прогулках верхом в Булонском лесу, где он казался более юным, более изящным, чем самые изящные и юные из них. Такой привлекательной молодой обладатель некоторые люди того времени.

Граф был тем более опасен, что казался обходительным, равнодушным и не обнаруживал страшных умыслов, которые руководили им во всем. В этом чудовищном безразличии, которое позволяло ему с одинаковым искусством содействовать народному мятежу и участвовать в придворной интриге с целью укрепить королевскую власть, — была своеобразная прелесть. Внешнее спокойствие, ровность поведения никогда не кажутся подозрительными, особенно во Франции, где привыкли поднимать шум по поводу любой безделицы.

Граф, как этого требовала мода в 1839 году, был в черном фраке, в темно-синем кашемировом жилете, расшитом голубыми цветочками, в черных панталонах, серых шелковых носках и лакированных туфлях. Часы, спрятанные в одном из жилетных карманов, были прикреплены к петлице изящной цепочкой.

— Растиньяк, — сказал он, принимая чашку из рук миловидной госпожи де Растиньяк, — вы поедете со мной в австрийское посольство?

— Дорогой друг, я слишком недавно женат, чтобы возвращаться к себе не вместе с женой.

— Это значит, что в недалеком будущем?.. — сказала молодая графиня, обернувшись и посмотрев на своего мужа.

— Кто думает о будущем, — ответил Максим. — Я надеюсь на успех, если графиня не откажется быть судьей в этом деле.

Мягким движением Максим отвел графиню в сторону; она выслушала его, взглянула на свою мать и сказала Растиньяку: — Если хотите, поезжайте с господином де Трай в посольство, матушка проводит меня домой.

Несколько минут спустя баронесса де Нюсинжен и графиня де Растиньяк вышли вместе. Максим и Растиньяк спустились вслед за ними и уселись в карету барона де Нюсинжен: — Чего вы от меня хотите? — спросил Растиньяк. — Что случилось, вы меня просто за горло хватаете... Что вы сказали моей жене?

— Что мне нужно поговорить с вами, — ответил господин де Трай. — Вы-то счастливее! Вы в конце концов женились на единственной наследнице миллионов Нюсинжена, и заслужили это... Двадцать лет каторжных работ!

— Максим!

— А от меня свет отвернулся, —

продолжал он, приняв к сведению восклицание Растиньяка. — Ничтожество, какой-то дю Тилле, смеет спрашивать, хватит ли у меня духу покончить самоубийством! Пора остепениться. Хотят от меня отделаться или не хотят? Вы можете это узнать, вы это узнаете, — сказал Максим, жестом останавливая Растиньяка. — Вот мой план, выслушайте меня. Вы должны оказать мне услугу, я уже был полезен и могу быть полезен еще. Жизнь, которую я веду, наскучила мне, я хочу на покой. Помогите мне заключить брак, который даст мне полмиллиона: когда я буду женат, назначьте меня посланником в самую захудалую американскую республику. Я останусь на этом посту столько, сколько понадобится, чтобы я мог получить назначение на такого же рода пост в Германии. Если я чего-нибудь стою, меня вытасят оттуда; если ничего не стою, мне дадут отставку. Быть может, у меня родится ребенок, я воспитаю его в строгости; его мать будет обладательницей большого состояния, я сделаю из него дипломата, он может стать послом.

— Вот мой ответ, — сказал Растиньяк. — Идет борьба, более ожесточенная, чем предполагают непосвященные, между властью в пеленках и властью малолетней. Власть в пеленках — это Палата депутатов, которая, не будучи сдерживаема Палатой пэров...

— Ах да! — сказал Максим, — ведь вы пэр Франции.

— Разве я теперь не был бы пэром при любом режиме? — сказал Растиньяк. — Но не прерывайте меня, вся эта неразбериха вас касается. Палата депутатов неизбежно станет полновластной, как и предсказывал де Марсэ, единственный человек, который мог бы спасти Францию, — или, вернее, кабинет министров, — ибо народы не умирают, они порабощены или свободны, вот и все. Малолетняя власть — это король, получивший корону в августе 1830 года. Нынешний кабинет побежден, он распустил Палату и хочет провести выборы, чтобы их не провел будущий кабинет; но он не верит в победу. Если бы он оказался победителем на выборах, династия была бы в опасности; если же кабинет окажется побежденным — династическая партия еще долго может успешно бороться. Ошибки Палаты пойдут на пользу некоей воле, которая, к несчастью, в

политике — все. Когда один человек становится всем, как это было с Наполеоном, то наступает момент, когда нужно себя восполнить, а так как к этому времени выдающиеся люди отстранены, великое «все» не находит себе восполнения. Восполнение — это то, что называют кабинетом министров, а во Франции нет кабинета, есть только пожизненная воля. Во Франции только правители совершают ошибки. Опозиция не может ошибаться; она может проиграть все сражения, но ей достаточно, как союзникам в 1814 году, победить один единственный раз. Словом, в «три славных дня» она разрушает все. Поэтому, не управляя и выжидая, ты уверен, что унаследуешь власть. По своим личным убеждениям я принадлежу к аристократии, а по своим общественным взглядам к Июльской монархии. Орлеанский дом помог мне восстановить состояние моего дома, и я навсегда останусь к нему привержен.

— Талейрановское «навсегда», разумеется; — сказал Максим.

— В настоящее время, — снова начал Растиньяк, — я ничего не могу для вас сделать, через полгода мы не будем у власти. Да, эти полгода будут агонией, я это знал. Мы предвидели нашу участь, когда составлялось министерство, мы — министерство на затычку. Но если вы отличитесь во время предстоящей предвыборной борьбы, если вы привлечете на сторону династии один лишний голос, одного надежного депутата, то ваше желание будет исполнено. Я могу сказать о ваших добрых намерениях, я могу заглянуть в кое-какие секретные документы, в неподлежащие оглашению отчеты и найти для вас серьезное дело. Если оно выйдет, я могу указать на ваши таланты, вашу преданность и требовать награды. Взять себе жену, дорогой мой, вы можете только в семье какого-нибудь падкого на титулы фабриканта, и то в провинции. В Париже вас слишком хорошо знают. Значит, нужно найти миллионера, парвеню, чтобы у него имелась дочь и чтобы его снεδало желание покрасоваться в Тюильри.

— А до тех пор пусть ваш тесть даст мне взаймы двадцать пять тысяч франков; тогда он будет заинтересован в том, чтобы в случае успеха от меня не отделались сладкими улыбками и, кроме того, будет содействовать моему браку.

— Вы неглупы, Максим, вы мне не доверяете. Но я люблю умных людей, я займусь вашим делом.

Они подъехали к посольству. Войдя в гостиную, барон де Растиньяк подошел к министру внутренних дел и отвел его в сторону. Граф Максим де Трай, казалось, был всецело занят старой графиней де Листомер, но на самом деле следил за беседой двух пэров Франции; он ловил каждый жест, старался понять выражение их лиц и, наконец, поймал благосклонный взгляд, брошенный на него министром.

В час ночи, когда Максим и Растиньяк, выйдя из посольства, остановились на крыльце, прежде чем сесть каждый в свою карету, Растиньяк сказал: — Зайдите ко мне, когда дело будет ближе к выборам. За это время я разумею, где Оппозиция имеет меньше всего шансов и какую выгоду можем мы с вами извлечь из этого.

— Двадцать пять тысяч франков не терпят, — ответил ему де Трай.

— Ну, так скройтесь.

Через полтора месяца, однажды на рассвете, граф де Трай тайно, в наемном экипаже прибыл на улицу Бурбон. У подъезда великолепного особняка, купленного бароном де Нюсинжен для своего зятя, он отпустил экипаж, оглянувшись, не следят ли за ним, и, войдя в дом, стал ждать в маленькой гостиной пробуждения Растиньяка. Несколько минут спустя лакей провел Максима в кабинет, куда уже вышел министр.

— Мой друг, — сказал ему Растиньяк, — я могу сообщить вам тайну, которая через два дня будет оглашена во всех газетах, и из которой вы можете извлечь выгоду. Бедняга Шарль Келлер, который так ловко танцевал мазурку, убит в Африке, а он был нашим кандидатом в округе Арси. Его место не должно остаться пустым. Вот два донесения, одно — помощника префекта, другое — полицейского комиссара, предупреждавшие министра,

что избрание нашего бедного друга натолкнулось бы на затруднения. В донесении полицейского комиссара приводятся сведения об Арси, которых такому человеку, как ты, вполне достаточно; соперник покойного Шарля притязает на звание депутата, потому что рассчитывает жениться на богатой наследнице... Для умного человека этим сказано все. Поместье Сен-Синей, герцогини де Кадиньян и Жоржа де Мофриньез — в двух шагах от Арси; если понадобится, в твоём распоряжении будут голоса легитимистов. И так...

— Не трать лишних слов, — сказал Максим. — Полицейский комиссар там все тот же?

— Да.

— Достань мне письмо к нему.

— Здесь, мой друг, — сказал Растиньяк, вручая Максиму целую папку, — вы найдете два письма к графу де Гондревиль. Вы были пажом, он сенатором, вы сговоритесь. Жена Франсуа Келлера весьма набожная дама, вот для нее письмо от госпожи Карильяно, супруги маршала. Она стала сторонницей династии, она горячо рекомендует вас и, кстати, едет в Арси следом за вами. Еще одно слово: остерегайтесь помощника префекта, я подозреваю, что он рассчитывает через Симона Жиге добиться покровительства у бывшего председателя совета министров. Если вам понадобятся письма, полномочия, рекомендации — пишите мне.

— А двадцать пять тысяч франков? — спросил Максим.

— Подпишите этот вексель на имя дю Тилле, — вот деньги.

— Я не сомневаюсь в успехе, — сказал граф, — и вы можете обещать королю, что депутат округа Арси будет принадлежать ему душой и телом. Если меня постигнет неудача, пусть откажутся от меня!

Час спустя Максим де Трай в своем тильбюри катил по дороге в Труа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Гнилые местечки» (Rotten boroughs) — этим термином обозначаются небольшие и отсталые округа, которые английская избирательная система позволяла использовать для выборов махинаций правящих партий.

² Сен-Сини были связаны родством с семьей Симёз.

³ Граф де Гондревиль, служа Наполеону, был в то же время тайным агентом Людовика XVIII.

⁴ Отец Франсуа Мишо был управляющим поместьем Гондревиль, верным слугой Симёзов и Сен-Синей и заклятым врагом графа де Гондревиль. Он обвинялся по процессу Симёзов, но, в отличие от своих господ, помилованных Наполеоном, был гильотинирован.

⁵ «Восточные дела» — имеется в виду договор между Россией, Пруссией, Англией и Австрией по поводу конфликта между турецким султаном и египетским пашой Махметом Али, союзником Франции. Договор был заключен помимо Франции.

⁶ Дюпен — адвокат, один из организаторов Июльской революции, был прокурором при Луи-Филиппе. Дюпен неоднократно менял свои политические убеждения, но гордился тем, что всегда был верен «независимости сердца».

⁷ Гарнье-Паже — глава радикальной партии. — Банкир Лафитт был министром при Луи-Филиппе.

⁸ Господин Жермейль и Робер Макэр — персонажи мелодрамы «Постоялый двор Адре». Роль бандита Макэра была создана Фредериком Леметром, которому пьеса обязана была своей популярностью.

⁹ «Бессмертный священник» — имеется в виду Ламеннэ, французский философ и богослов, идеолог католического социализма.

¹⁰ Герцог Лозен (казненный в 1793 году) был заключен в тюрьму Пиньероль.

¹¹ Брийа-Саварэн эмигрировал из Франции во время революции 1789 года; при Директории был судебным деятелем. Автор книги «Физиология вкуса или размышления о трансцендентальной гастрономии».